Вл. Керенскій.

МАРІАВИТЫ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева. Невскій, № 8.
1908.

2494

2421 Пров. 1959

ВХ
4717

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
567
59

Маріавиты.

Уже нѣсколько лѣтъ прошло со времени появленія маріавитскаго движенія. Казалось бы поэтому, на основаніи этихъ нѣсколькихъ лѣтъ исторической жизни маріавитства можно было составить болѣе или менѣе ясное представленіе объ этомъ религіозномъ движеніи, возникшемъ въ римско-католической церкви. Въ дѣйствительности, однакожъ, этого не находимъ. До самаго послѣдняго времени нельзя было сказать что-либо болѣе или менѣе опредѣленное о маріавитствѣ главнымъ образомъ потому, что представители этого движенія доселѣ не издали какихъ-либо оффиціальныхъ документовъ, содержащихъ данныя относительно вѣроученія и церковнаго управленія ихъ общества. Правда уже нѣсколько лѣтъ маріавитами издается еженедѣльный журналъ на польскомъ языкѣ подъ заглавіемъ «Маріавитъ». Но этотъ журналъ посвященъ раскрытію главнымъ образомъ внѣшней исторіи движенія, несомнѣнно очень интересной по своему трагизму, но мало характерной для оцѣнки внутренняго состоянія маріавитства. Подобное положеніе вещей имѣло для маріавитовъ самыя печальныя послѣдствія. Римско-католическая курія, воспользовавшись тѣмъ обстоятельствомъ, что общество не могло и не можетъ имѣть болѣе или менѣе яснаго представленія о маріавитствѣ какъ религіозномъ движеніи, въ силу отсутствія опредѣленныхъ свѣдѣній объ этомъ движеніи, начала распространять о маріавитствѣ самые нелѣпые слухи. Маріавиты были объявлены еретиками, извращающими всѣ основы христіанской религіи, ихъ религіозныя собранія изображались въ формѣ скопищъ съ совсѣмъ не религіозными цѣлями и проч. Правовѣрные римско-католической церкви, на-

1г

электризованные въ такомъ духѣ, конечно, не замедлили во многихъ мѣстахъ предпринять дикую расправу съ новыми еретиками. Изъ многихъ селъ и деревень маріавитскія семьи были выгнаны какъ недостойныя жить вкупѣ съ правовѣрующими; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жилища маріавитовъ были сожжены и разрушены, а въ нѣкоторыхъ было оскорблено даже цѣломудріе женщинъ-маріавитокъ. Можетъ быть печальныя явленія подобнаго рода наконецъ побудили представителей маріавитства приступить къ изданію документовъ болѣе или менѣе оффиціальнаго характера, на основаніи коихъ всякій можетъ составить болѣе или менѣе ясное представленіе объ ихъ движеніи. Однимъ изъ первыхъ документовъ такого рода является только что любезно доставленный мнѣ представителями движенія «Уставъ религіознаго союза маріавитовъ. Лодзь. Изданіе Кс. Яна Ковальскаго. 1908». По содержанію своему онъ раздѣляется на пятнадцать небольшихъ (въ 2—3 стр. въ 8-ю долю листа) главъ, изъ коихъ въ 1-й говорится объ ученіи маріавитовъ, во 2-й объ ихъ богослуженіи, въ 3-й объ управленіи союзомъ и іерархіи, въ 4-й объ образѣ жизни маріавитскихъ священниковъ, въ 5-й объ условіяхъ полученія священническаго сана и монашескаго чина, въ 6-й объ избраніи генеральнаго министра и замѣщеніи другихъ церковныхъ должностей, въ 7-й о генеральномъ и провинціальномъ капитулѣ, въ 8-й объ обязанностяхъ министровъ въ отношеніи къ подчиненнымъ, въ 9-й о приходскомъ духовенствѣ, въ 10-й о домахъ испытанія, въ 11-й о бракахъ, въ 12-й объ имуществѣ союза маріавитовъ, въ 13-й объ управленіи имуществомъ, въ 14-й объ общинѣ (congregatio) сестеръ-маріавитокъ и въ 15-й о маріавитскихъ мірянахъ. Конечно, при разсмотрѣніи этого документа вниманіе читателя прежде всего останавливается на рѣшеніи вопроса о томъ, съ чего началось маріавитское движеніе, иначе говоря, что побудило маріавитовъ къ выдѣленію изъ римско-католической церкви. Отвѣтъ на этотъ вопросъ въ маріавитскомъ уставѣ дается такой: «маріавиты исповѣдуютъ догматы католической церкви. Но для осуществленія своихъ стремленій образовали отдѣльный религіозный союзъ, который въ своемъ управленіи, внутреннемъ устройствѣ и дѣятельности не зависитъ отъ римско-католической іерархіи»... Раскрывая затѣмъ болѣе детально то, каковы эти стремленія, заставившія маріавитовъ при удержаніи всѣхъ догматовъ римско-католической церкви, выдѣлиться изъ лона ея, представители

маріавитства пишутъ: «мы признаемъ и исповѣдуемъ Господа І. Христа, сокрытаго въ Святыхъ Дарахъ, жертвою за жизнь міра и существенно животворящимъ Источникомъ возрожденія христіанства, погибающаго отъ невѣрія и пороковъ... Поэтому религіозный союзъ нашъ считаетъ главною своей цѣлью: а) особымъ образомъ почитать и во всемъ мірѣ возстановить почитаніе Господа І. Христа, подобающее ему въ Святыхъ Дарахъ, б) молить Господа Іисуса, пребывающаго въ Святыхъ Дарахъ, о спасеніи человѣчества, в) распространяя почитаніе Святыхъ Даровъ, способствовать среди христіанъ нравственному ихъ возрожденію и возстановленію христіанской ревности первыхъ вѣковъ и г) исповѣдывать, что для достиженія этихъ цѣлей необходима помощь Пресвятой Богородицы, въ силу чего весь союзъ маріавитовъ состоитъ подъ покровомъ Пресвятой Дѣвы, почитая ее подъ названіемъ: «Непрестанной помощи» (стр. 3—4).

Вотъ все, что говорится въ маріавитскомъ уставѣ о происхожденіи общества маріавитовъ и выдѣленіи его изъ римско-католической церкви. Какъ можно легко видѣть, вышеприведенныя строки не могли и не могутъ на первый взглядъ оправдывать выдѣленіе маріавитовъ изъ лона римско-католической церкви и образованіе ими особаго религіознаго общества. По существующимъ въ христіанской церкви законоположеніямъ, ведущимъ свое начало отъ самаго основанія ея, одно лишь обстоятельство можетъ оправдывать отдѣленіе отъ церкви—это зараженіе ея еретическими ученіями. Маріавиты, повидимому, не находятъ въ римской церкви этихъ еретическихъ ученій, такъ какъ сами же откровенно сознаются въ томъ, что исповѣдуютъ догматы католической церкви, т. е. признаютъ ее въ вѣроученіи истинною. Правда, какъ мы уже видѣли, представители маріавитства, дѣлая указанное замѣчаніе, вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчаютъ двѣ особенности своей вѣроисповѣдной системы, съ ихъ точки зрѣнія оправдывающія ихъ выдѣленіе изъ римской церкви—это во-первыхъ, «признаніе и исповѣданіе І. Христа, сокрытаго во Святыхъ Дарахъ, жертвою за жизнь міра и во-вторыхъ, признаніе и исповѣданіе Его существенно животворящимъ Источникомъ возрожденія христіанства, погибающаго отъ невѣрія и пороковъ». Но обѣ указанныя особенности въ вѣроученіи маріавитовъ, по крайней мѣрѣ въ той формулировкѣ, какая утверждается въ уставѣ, не таковы, чтобы существованіе ихъ въ маріавитской

вѣроисповѣдной системѣ могло оправдывать выдѣленіе маріавитовъ изъ римско-католической церкви въ качествѣ самостоятельнаго религіознаго общества, потому что и римская церковь вѣдь не отрицаетъ того, что І. Христосъ является жертвою за жизнь міра, что Онъ есть животворящій Источникъ возрожденія христіанства и проч. Несомнѣнно конечно то, что въ римской церкви въ силу крайней объективизаціи религіознаго духа, являющейся результатомъ папскаго догмата какъ основного догмата римско-католической вѣроисповѣдной системы, обѣ указанныя истины не имѣютъ должной цѣнности въ жизни вѣрующихъ, тѣмъ не менѣе нельзя, конечно, утверждать безъ противорѣчія очевидной истинѣ того, будто римская церковь совсѣмъ отрицаетъ эти истины. Правда въ уставѣ говорится, что маріавитское общество задачей своей поставляетъ «особымъ образомъ почитать и во всемъ мірѣ возстановить почитаніе Господа Іисуса Христа, подобающее Ему во святыхъ Дарахъ»..., но въ чемъ заключается этотъ «особый образъ» почитанія І. Христа въ евхаристіи, насколько имъ маріавиты уклоняются отъ римскихъ католиковъ, въ уставѣ не разъясняется, а потому воздерживаемся отъ какихъ-либо гаданій по указанному вопросу, тѣмъ болѣе, что маріавиты, какъ мы уже видѣли, заявляютъ о томъ, что они вообще «исповѣдуютъ догматы католической церкви»... и значитъ существенно не уклоняются отъ послѣдней, въ частности и въ ученіи объ евхаристіи.

Итакъ, повторяемъ, на первый взглядъ кажется, что маріавитское общество не имѣло и не имѣетъ достаточныхъ основаній къ выдѣленію изъ римско-католической церкви и къ образованію самостоятельной церковной партіи. Но это только на первый взглядъ. При внимательномъ же разсмотрѣніи устава становится очевиднымъ то, что маріавиты имѣли и имѣютъ вполнѣ достаточныя основанія къ выдѣленію изъ римской церкви, и даже мало того, эти основанія невольно сознаются маріавитами и если отчетливо не выражаются ими, то вѣрнѣе всего потому, что на это у нихъ не хватаетъ смѣлости: воспитавшіеся въ римской церкви, они не имѣютъ достаточно мужества сказать рѣшительно о томъ, что между ними и ихъ матерью уже существуетъ непроходимая пропасть. Въ чемъ же состоитъ эта пропасть, отдѣляющая маріавитовъ отъ римской церкви? По моему мнѣнію въ томъ, что маріавиты *отвергаютъ* главнѣйшій догматъ римско-като-

лической церкви—*догматъ о папскомъ главенствѣ*. Доказательствъ справедливости подобнаго моего предположенія въ уставѣ очень много. Говорю даже болѣе того: маріавитскій уставъ весь проникнутъ этой идеей. Въ частности это лучше всего можно видѣть напр. изъ 6-й стр. устава, гдѣ прямо говорится: «союзъ маріавитовъ признаетъ таинство священства и его іерархическія степени: меньшія посвященія (minores) иподіакона (subdiaconus), діакона (diaconus), іерея (presbyter) и епископа (episcopus)»... О папскомъ служеніи, какъ служеніи особомъ, въ приведенныхъ словахъ совсѣмъ не упоминается. Мало того: вслѣдъ за указаннымп словами въ уставѣ читаемъ слѣдующее очень характерное замѣчаніе: «маріавиты сохраняютъ епископскій санъ *не для управленія союзомъ и провинціями*, но исключительно *для сохраненія іерархіи*»... Можно съ полной увѣренностью предполагать, что подобнаго рода строки съ незаконнымъ умаленіемъ епископскаго достоинства могли появиться въ маріавитскомъ уставѣ лишь какъ результатъ рѣшительнаго отверженія папской власти, вѣнчающей въ римской церкви епископское достоинство. Конечно, одно лишь это отрицаніе папскаго догмата вполнѣ оправдываетъ выдѣленіе маріавитовъ изъ римской церкви, потому что этотъ догматъ, по общему сознанію почти всѣхъ наиболѣе видныхъ богослововъ и римско-католическихъ (Перроне, Мёллера и др.), и православныхъ (преосв. Никанора, проф. Н. Бѣляева и др.), и протестантскихъ (Шлейермахера, Рейфа и друг.), представляетъ изъ себя краеугольный камень, на коемъ зиждется все зданіе папской системы, какъ опредѣляющій собою всѣ особенности и ученія и управленія и юрисдикціи разсматриваемой нами церкви по сравненію съ другими христіанскими церквами, въ частности православно-восточной. Потому-то отрицаніе римскаго догмата всегда влекло за собой отрицаніе другихъ особенностей римско-католической вѣроисповѣдной системы и наоборотъ отрицаніе каждой изъ этихъ другихъ особенностей обязательно связывалось съ отрицаніемъ папскаго догмата. Вполнѣ понятнымъ является поэтому то обстоятельство, что представители римской каѳедры, охраняющіе цѣлостность папскаго догмата съ такой энергіей, съ какой не охраняютъ никакой другой христіанскій догматъ, поспѣшили отлучить отъ церкви и проклясть маріавитовъ какъ злостныхъ и тяжкихъ еретиковъ, посягающихъ на все зданіе папской системы. Но, само собою понятно, это—исключи-

тельно римско-католическая точка зрѣнія; съ точки же зрѣнія православной, маріавиты, отвергая ученіе о папскомъ главенствѣ въ церкви Христовой, отвергаютъ догматъ, наиболѣе противорѣчащій истинному Христову ученію и преданію вселенской церкви и наиболѣе зловредный для религіознаго уклада западно-христіанской церкви.

Все сказанное о вѣроисповѣдной системѣ маріавитскаго общества подтверждается и практически—тѣмъ церковнымъ строемъ, который по уставу долженъ существовать въ ихъ обществѣ. Высшую инстанцію церковнаго управленія въ маріавитскомъ обществѣ, согласно этому уставу, составляетъ генеральный капитулъ, который созывается чрезъ каждые три года въ седьмицу сошествія Св. Духа въ мѣстѣ, назначенномъ генеральнымъ министромъ, и въ составъ котораго входятъ всѣ провинціальные министры и кустоши. Сферу дѣятельности капитула составляютъ: 1) обозрѣніе отчетовъ о дѣятельности союза, 2) обсужденіе и удовлетвореніе духовныхъ и матеріальныхъ нуждъ союза и 3) вообще обсужденіе наиболѣе важныхъ дѣлъ, касающихся устройства союза. Второю инстанціей церковнаго управленія по уставу является провинціальный капитулъ, который въ случаѣ надобности созывается провинціальнымъ министромъ и который вѣдаетъ нужды отдѣльной провинціи (стр. 12—13).

Объ указанныя инстанціи, хотя имѣютъ высшее значеніе въ маріавитскомъ обществѣ, однакожъ носятъ лишь временный характеръ, какъ созываемыя періодически. Постоянную же высшую инстанцію въ этомъ обществѣ, согласно уставу, представляетъ генеральный министръ (minister generalis) и его замѣститель, именуемый генеральнымъ викаріемъ (vicarius generalis), каковыя должности могутъ замѣщать не только епископы, но и простые священники (стр. 5—6). По своему происхожденію первая изъ указанныхъ должностей, т. е. генеральнаго министра, есть должность выборная. Избираютъ генеральнаго министра провинціальные министры и кустоши на генеральномъ капитулѣ посредствомъ тайной подачи голосовъ двумя третями послѣдней. Занимаетъ свой постъ генеральный министръ до смерти, въ случаѣ же его кончины или сложенія имъ сана союзомъ до избранія новаго министра управляетъ генеральный викарій, въ продолженіи своего управленія не могущій однакожъ вводить какихъ-либо измѣненій въ союзѣ (стр. 11—12). Объемъ власти генеральнаго министра, по

уставу, очень обширенъ. Онъ созываетъ генеральные капитулы, предсѣдательствуетъ на нихъ, утверждаетъ постановленія генеральныхъ капитуловъ, назначаетъ непосредственно или посредственно на всѣ церковныя должности и проч. Ближайшимъ помощникомъ ему во всей этой дѣятельности является генеральный викарій, который избирается и назначается единолично генеральнымъ министромъ (стр. 13, 11).

Второю административною единицею постояннаго характера въ маріавитскомъ обществѣ является провинція. Во главѣ ея стоитъ провинціальный министръ (minister provincialis), назначаемый генеральнымъ министромъ изъ епископовъ или пресвитеровъ. Помощникомъ его является провинціальный викарій (vicarius provincialis), назначаемый такимъ же путемъ. На провинціальномъ министрѣ лежитъ руководительство всей провинціей безъ права вторженія въ другія провинціи, въ частности онъ назначаетъ настоятелей для отдѣльныхъ округовъ и общинъ (стр. 5), надзираетъ за соблюденіемъ устава и дисциплинарныхъ предписаній по отношенію къ духовнымъ лицамъ, производитъ судъ надъ провинившимися лицами изъ духовенства подвѣдомой ему провинціи, наблюдаетъ за сохраненіемъ чистоты нравовъ какъ въ средѣ духовенства, такъ и мірянъ (стр. 14), слѣдитъ за правильнымъ веденіемъ церковнаго хозяйства въ его провинціи и результаты этого наблюденія чрезъ каждые три года представляетъ генеральному министру во время генеральнаго капитула въ точной описи всѣхъ церковныхъ имуществъ ввѣренной ему провинціи (стр. 21).

Третьей административной инстанціей въ маріавитскомъ обществѣ является округъ, управляемый кустошемъ и его викаріемъ. Назначается онъ провинціальнымъ министромъ и отправляетъ тѣ же функціи, что и этотъ послѣдній, только сфера его дѣятельности исчерпывается нѣсколькими приходами. И наконецъ низшею административною единицею у маріавитовъ является община или филія, управляемая настоятелемъ съ помощниками: викаріемъ и діакономъ, также назначаемыми провинціальнымъ министромъ (стр. 11). Сфера дѣятельности ихъ ограничивается лишь жизнью отдѣльной общины. Въ частности они заботятся объ удовлетвореніи духовныхъ нуждъ своихъ прихожанъ, исправляютъ церковныя требы, ведутъ метрическія записи и проч.

Не взирая на печальное положеніе маріавитскаго обще-

ства, полученіе даже низшихъ церковныхъ должностей въ этомъ обществѣ обставлено довольно строгими требованіями. Отъ кандидатовъ на священническій санъ напр. прежде всего требуется извѣстный образовательный цензъ: окончаніе по крайней мѣрѣ четырехкласснаго курса въ среднемъ учебномъ заведеніи. Послѣ этого кандидаты на священническія должности прикомандировываются къ наиболѣе опытнымъ настоятелямъ приходовъ, подъ руководствомъ коихъ они знакомятся теоретически и практически съ пастырскимъ служеніемъ и довершаютъ свое свѣтское и богословское образованіе путемъ посѣщенія высшихъ учебныхъ заведеній. Подобное испытаніе продолжается четыре года, послѣ чего не желающіе принять санъ священническій могутъ возвращаться снова въ міръ; желающіе же помѣщаются въ такъ называемыхъ домахъ испытанія (novitiatus), которые существуютъ при каждомъ провинціальномъ министрѣ и въ которыхъ подъ высшимъ руководительствомъ магистра (magister novitiorum) въ теченіе года изучаютъ уставъ маріавитскихъ священниковъ, церковные обряды, богослуженіе, въ особенности божественную литургію и пріучаются къ аскетической жизни (стр. 15—16, 9—10). И лишь послѣ этого выдержавшіе испытаніе кандидаты посвящаются въ санъ священника. Кромѣ образовательнаго ценза отъ кандидата на іерейское служеніе по уставу маріавитскаго общества также требуется: 1) призваніе къ священническому сану и физическое здоровье, дозволяющее будущимъ настоятелямъ соблюдать уставъ маріавитскаго общества, 2) отсутствіе обвиненій въ судебно-доказанныхъ преступленіяхъ и 3) непринадлежность къ политическимъ партіямъ (стр. 9—10).

Не менѣе строго обставлена въ маріавитскомъ обществѣ и жизнь уже получившихъ духовный санъ. Въ основу ихъ поведенія положенъ уставъ ордена св. Франциска Ассизскаго, правда, избавляющій ихъ отъ общей жизни въ монастыряхъ, но въ то же время налагающій на нихъ слѣдующіе четыре обѣта: 1) обѣтъ послушанія, въ силу коего пастыри обязуются быть послушными своимъ министрамъ во всемъ, что не противорѣчитъ заповѣдямъ божественнымъ и совѣсти; 2) обѣтъ убожества, въ силу коего пастыри обязуются отречься отъ всякой собственности въ пользу союза, въ частности отъ всякаго жалованья со стороны правительства и мірянъ и лишь принимать добровольныя пожертвованія на свое содержаніе или въ пользу союза, чтобы такимъ образомъ безкорыстнымъ

служеніемъ осуществить заповѣдь Спасителя: «даромъ получили, даромъ и давайте»; 3) обѣтъ цѣломудрія, въ силу коего пастыри обязуются къ безбрачію и строгому соблюденію чистоты нравовъ, въ частности обязуются не ѣсть мяса, не пить крѣпкихъ напитковъ, имѣть квартиры при храмахъ, пользоваться мужскою прислугою и проч.; 4) обѣтъ почитанія І. Христа во Святыхъ Дарахъ, въ силу коего пастыри обязуются не только участвовать въ поклоненіи Св. Дарамъ и заботиться о торжественныхъ богослуженіяхъ съ выставленіемъ на поклоненіе Св. Даровъ, но и распространять почитаніе ихъ въ средѣ вѣрующихъ, защищать это почитаніе и даже жертвовать за него своею жизнью (стр. 7—8).

Съ такой же строгостью въ маріавитскомъ обществѣ регламентирована жизнь общины (congregatio) сестеръ маріавитокъ, которыя являются носительницами высшихъ религіозно-моральныхъ интересовъ для женской половины маріавитскаго общества, представляя изъ себя какъ бы нѣчто въ родѣ женскаго монашескаго ордена. Во главѣ этой общины стоитъ главная начальница, находящаяся въ зависимости отъ генеральнаго министра союза маріавитовъ. Она въ частности: 1) назначаетъ сестеръ на должности и распредѣляетъ ихъ обязанности; 2) размѣщаетъ сестеръ по домамъ общины или богоугоднымъ заведеніямъ; 3) каждогодно или сама непосредственно, или чрезъ свою замѣстительницу навѣщаетъ дома общины и другія учрежденія, которыми руководятъ сестры; 4) по предварительному разрѣшенію генеральнаго министра пріобрѣтаетъ въ пользу общины недвижимое имущество и 5) наконецъ обладаетъ правомъ принимать кандидатокъ въ число сестеръ. При этомъ по отношенію къ кандидаткамъ предъявляются слѣдующія требованія: 1) призваніе къ монашеской жизни и физическое здоровье, дозволяющее соблюдать уставъ общины, 2) безукоризненность поведенія, 3) непринадлежность къ политическимъ партіямъ, и 4) возрастъ не менѣе 16-ти лѣтъ. Подобно кандидатамъ на священническое служеніе, кандидатки на вступленіе въ общину сестеръ подвергаются двухлѣтнему испытанію, которое осуществляется или въ главномъ домѣ общины или въ отдѣленіяхъ его. По окончаніи этого испытанія кандидатки въ теченіе шести лѣтъ даютъ временные обѣты, выдержавъ которые, поступаютъ въ число настоящихъ сестеръ общины. При поступленіи своемъ въ общину сестры подобно священникамъ даютъ четыре обѣта:

послушанія, убожества, цѣломудрія и почитанія І. Христа, сокрытаго въ Святыхъ Дарахъ, и кромѣ этихъ главныхъ обѣтовъ сестры также обязуются: обучать дѣтей въ школахъ, воспитывать ихъ въ пріютахъ, ухаживать за больными и руководить домами призрѣнія (стр. 22—25).

Что касается наконецъ простыхъ вѣрующихъ, то жизнь ихъ въ маріавитскомъ обществѣ регламентируется общими для всей христіанской церкви предписаніями, именно маріавиты обязуются: 1) почитать и поклоняться особеннымъ образомъ І. Христу, сокрытому во Св. Дарахъ, и для этого возможно чаще исповѣдываться и съ чистою совѣстью причащаться святыхъ таинъ; 2) строго соблюдать заповѣди Божественныя, преимущественно же заповѣди любви къ Богу и ближнимъ, считая своими братьями въ особенности тѣхъ христіанъ, которые почитаютъ Св. Дары и подобно маріавитамъ питаются въ святомъ причащеніи тѣломъ и кровью Господа; 3) добровольно исполнять гражданскія обязанности, соотвѣтственно своему общественному положенію, въ частности не уклоняться отъ всѣхъ государственныхъ повинностей (стр. 25—27).

Какъ можно видѣть изъ всего вышеприведеннаго, церковное управленіе, существующее въ маріавитскомъ обществѣ, какъ нельзя лучше подтверждаетъ справедливость высказаннаго мною ранѣе положенія, что это общество рѣшительно отрицаетъ идею папскаго главенства въ христіанской церкви, хотя по возможности старается скрыть эту рѣшительность упомянутаго отрицанія. Очевидно это изъ того, что вмѣсто видимой главы церкви съ неограниченными церковно-гражданскими правами, каковымъ является римскій первосвященникъ, совмѣщающій въ своихъ рукахъ всю полноту власти какъ въ церковной, такъ даже и въ гражданской сферѣ, во главѣ церковнаго зданія маріавитами поставляется власть соборная въ лицѣ генеральныхъ и провинціальныхъ капитуловъ. Уклоняясь этой формой церковнаго управленія отъ римскаго католицизма, представители маріавитства вмѣстѣ съ тѣмъ той же формой приближаются къ православнымъ воззрѣніямъ, по которымъ, какъ извѣстно, высшая власть въ церкви усвояется соборамъ вселенскимъ и помѣстнымъ, какъ выражающимъ въ своихъ рѣшеніяхъ голосъ или всей церкви или по крайней мѣрѣ болѣе или менѣе значительной части ея. Не заключаютъ въ себѣ чего-либо еретическаго сужденія представителей маріавитства и касательно другихъ инстанцій церковнаго

управленія. Административное управленіе генеральнаго министра со всѣми его отдѣльными функціями очевидно существуетъ въ разсматриваемомъ нами обществѣ въ соотвѣтствіи съ административнымъ управленіемъ патріаршимъ или митрополичьимъ, которыя совмѣщали и совмѣщаютъ въ себѣ функціи управленія, простирающіяся на всю помѣстную церковь. Существеннымъ пробѣломъ маріавитскаго устава при описаніи разсматриваемой инстанціи церковнаго управленія является лишь то, что согласно этому уставу постъ генеральнаго министра могутъ замѣщать не одни лишь епископы, какъ это обязательно связывалось съ патріаршимъ и митрополичьимъ управленіемъ въ древней церкви и какъ это существуетъ и по настоящее время въ церкви православно-восточной, но и даже простые священники. Эта особенность маріавитскаго устава, несомнѣнно опровергаемая всей исторіей вселенской церкви, кажется, возникла въ маріавитствѣ подъ вліяніемъ сознанія тѣхъ печальныхъ послѣдствій, которыми сопровождалась и сопровождается идея папскаго главенства для религіозной жизни западно-римской церкви, и желая устранить которыя, представители маріавитизма вдались въ противоположную крайность, уравнявъ епископскій санъ съ саномъ пресвитерскимъ по внѣшнимъ правамъ, чтобы такимъ образомъ уничтожить всякую возможность для возвышенія епископскаго служенія до того антихристіанскаго абсолютизма, какого достигло это служеніе въ лицѣ представителей римской каѳедры. Можетъ быть, впрочемъ, на возникновеніе въ маріавитизмѣ идеи внѣшняго равенства между епископскимъ и пресвитерскимъ служеніями повліяло и то обстоятельство, что маріавиты съ самаго же начала существованія ихъ общества и по настоящее время, не имѣя въ своей средѣ ни одного епископа, имѣли только пресвитеровъ и потому для нихъ представлялось дѣломъ простой необходимости замѣщеніе высшей церковной должности простыми пресвитерами. Въ силу той же необходимости и функціи провинціальныхъ министровъ въ маріавитскомъ обществѣ несомнѣнно отправляютъ простые священники, хотя санъ провинціальнаго министра соотвѣтствуетъ сану нашего епархіальнаго епископа, т. е. носители этого сана совмѣщаютъ въ своихъ рукахъ высшую административную, юридическую и учительскую власть надъ цѣлой епархіей. Отмѣчая указанную особенность въ административномъ строѣ маріавитскаго общества, несомнѣнно роняю-

щую маріавитское общество въ глазахъ православнаго богослова, нельзя обойти также молчаніемъ и другой особенности, которая, напротивъ, выгодно отличаетъ маріавитизмъ отъ римскаго католицизма. Эта особенность—постановленіе, чтобы сфера дѣятельности провинціальнаго министра исчерпывалась только подвѣдомой ему провинціей и чтобы онъ своею властью не вторгался въ чуждую для него провинцію. И это постановленіе направлено едва ли не противъ папской системы, по которой власть римскаго епископа, какъ всеобъемлющая, можетъ вторгаться своимъ авторитетомъ во всякую отрасль церковной жизни каждой епархіи. Что касается наконецъ функцій маріавитскихъ кустоша и настоятеля, то они напоминаютъ собою функціи древняго хорепископа или современнаго намъ благочиннаго и обычнаго приходскаго священника. Ставя первыхъ во главѣ отдѣльныхъ округовъ, а вторыхъ во главѣ отдѣльныхъ общинъ, представители маріавитства тѣмъ самымъ отрицаютъ столь настойчиво проводимую протестантизмомъ идею о почти полномъ уравненіи носителей пастырскаго служенія съ простыми вѣрующими, въ силу чего священникъ является лишь первымъ прихожаниномъ безъ какихъ-либо особыхъ правъ. Едва ли возможно сказать что-нибудь съ православной точки зрѣнія и противъ тѣхъ условій, которыми обставляется въ маріавитскомъ обществѣ полученіе іерархическихъ степеней. Что ищущій священства, какъ руководитель вѣрующихъ различныхъ умственныхъ дарованій и разнообразнаго образа мыслей, долженъ получить болѣе или менѣе основательное научное богословское образованіе—это понятно само собой. Не менѣе понятно и то, что кандидатъ на священническій санъ долженъ чувствовать призваніе къ служенію, такъ какъ въ противномъ случаѣ оно явится для него тяжелымъ бременемъ. Ничего нельзя сказать конечно и противъ того требованія отъ кандидатовъ на священническій санъ, чтобы они были свободны отъ обвиненій въ различныхъ преступленіяхъ, такъ какъ высота пастырскаго служенія требуетъ, чтобы это служеніе замѣщали лица, безупречныя въ морально-житейскомъ отношеніи. И наконецъ съ полнымъ сочувствіемъ слѣдуетъ отнестись и къ послѣднему требованію отъ кандидатовъ на священническое служеніе въ маріавитскомъ обществѣ, чтобы они не принадлежали къ какимъ-либо политическимъ партіямъ. Это требованіе, будучи вполнѣ согласно съ пастырскимъ служеніемъ, какъ

служеніемъ не отъ міра сего, очевидно направлено главнымъ образомъ противъ римской церкви, гдѣ духовныя лица, въ силу абсолютистическихъ стремленій папства какъ въ церковной, такъ даже и въ гражданской областяхъ, очень нерѣдко принимали и принимаютъ живое участіе въ политической жизни общества въ ущербъ своимъ прямымъ обязанностямъ какъ духовныхъ руководителей. Ничего конечно нельзя сказать съ православной точки зрѣнія и противъ тѣхъ обѣтовъ, которые даютъ въ маріавитскомъ обществѣ лица, принимающія духовный санъ: обѣтовъ убожества, послушанія, цѣломудрія и проч. Всѣ эти обѣты свидѣтельствуютъ о томъ, что пастырское служеніе въ маріавитствѣ имѣетъ надлежащую цѣнность. То же самое слѣдуетъ замѣтить относительно условій поступленія въ «Общину сестеръ маріавитокъ» и образа жизни этихъ сестеръ. По существу своему эта «община» очевидно есть не что иное, какъ обычный женскій монашескій орденъ съ тѣмъ же внутреннимъ укладомъ жизни, какой присущъ женскимъ монашескимъ орденамъ римско-католической церкви и отчасти нашимъ женскимъ монастырямъ. Что касается наконецъ моральныхъ предписаній, характеризующихъ жизнь простыхъ вѣрующихъ въ маріавитскомъ обществѣ, то они общи съ предписаніями, существующими и въ другихъ христіанскихъ церквахъ. Можетъ быть, лишь нѣсколько бросаются въ глаза настойчиво рекомендуемыя въ уставѣ «почитаніе и поклоненіе особеннымъ образомъ святымъ тайнамъ Тѣла Христова». Какъ я уже говорилъ, подобная усиленная рекомендація указаннаго подвига навѣрное вызвана въ маріавитствѣ той механичностью, которая, характеризируя вообще жизнь вѣрующихъ въ римской церкви, вмѣстѣ съ тѣмъ сказывается въ частности здѣсь и на отношеніи къ святѣйшему таинству евхаристіи, какъ извѣстно, почти изъятому отъ простыхъ вѣрующихъ, потому что они лишены принятія крови Христовой.

Къ сожалѣнію, очень мало мѣста отведено въ уставѣ маріавитскаго общества практическо-богослужебной сторонѣ. Въ данномъ случаѣ обращаютъ на себя вниманіе лишь предписанія относительно богослуженія и брака. «Союзъ маріавитовъ, читаемъ въ уставѣ, сохраняетъ литургію западной католической церкви. Служебникъ и Часословъ маріавиты преобразуютъ соотвѣтственно требованію почитанія святыхъ даровъ. Маріавиты будутъ совершать литургію, всѣ богослуженія и

требы на народномъ языкѣ. Маріавиты сохраняютъ всѣ праздники католической церкви и, кромѣ того, учреждаютъ праздники Пресвятой Богородицѣ 2-го августа по н. ст.—въ память основанія союза, и 4-го октября по н. ст. праздникъ св. Франциска Ассизскаго, какъ своего патріарха»...

Рядъ предписаній маріавитскаго устава относительно брачной жизни начинается рѣшительнымъ заявленіемъ: «маріавитскій союзъ признаетъ догматъ о нерасторжимости брака (indissolubilitas matrimonii)». Утверждая нерасторжимость брака, уставъ однако въ то же время допускаетъ, что «брачное сожитіе можетъ быть прекращено разлученіемъ супруговъ отъ стола и ложа на все или на опредѣленное время. Опредѣляется это разлученіе духовною властію, по просьбѣ одного изъ супруговъ: a) въ случаѣ прелюбодѣянія одного изъ нихъ; b) въ случаѣ жестокаго обращенія одной половины съ другой; c) въ случаѣ, если одинъ изъ супруговъ уличенъ въ преступленіи, подвергающемъ его суду и уголовному наказанію, или если онъ уличенъ въ принужденіи другого къ преступленію; d) въ случаѣ, если одинъ изъ супруговъ преслѣдуетъ другого за религіозныя убѣжденія». Что касается условій заключенія брачной жизни, то уставъ раздѣляетъ ихъ на двѣ категоріи: на a) условія, совершенно уничтожающія бракъ, и b) условія, лишь препятствующія заключенію брака. Къ первымъ относятся: 1) обманъ; 2) насиліе и угрозы; 3) неисполненіе обѣщаннаго условія (defectus conditionis appositae); 4) физическая неспособность; 5) отсутствіе физической зрѣлости—до 12 лѣтъ для женщины и 14 лѣтъ для мужчины; 6) различіе въ религіи (disparitas cultus), т. е. когда одна изъ сторонъ не просвѣщена св. крещеніемъ; 7) существованіе прежняго брачнаго союза; 8) обладаніе высшими (?) степенями священства: иподіаконствомъ, діаконствомъ и іерействомъ; 9) обѣщаніе принятія духовнаго обѣта цѣломудрія; 10) убійство одной изъ сторонъ съ цѣлью заключенія брака; 11) похищеніе; 12) родство по прямой линіи и боковой въ 1-й степени; 13) свойство по прямой линіи, возникшее отъ законнаго брака; 14) заключеніе брака у ненадлежащаго священника и въ отсутствіи двухъ свидѣтелей». Изъ условій, лишь препятствующихъ заключенію брака, маріавиты указываютъ: «1) кровное родство въ боковой линіи отъ 2-ой до 4-ой степени; 2) духовное родство между лицомъ крестившимъ, крещеннымъ и его родителями,—между лицомъ, принявшимъ крещеніе и его родителями

съ одной стороны, и воспріемниками съ другой; 3) гражданское родство; 4) свойство въ боковой линіи; 5) правила общественной благопристойности; 6) отсутствіе оглашенія; 7) вѣнчаніе въ запрещенное время; 8) простой (?) обѣтъ (simplex votum) Богу; 9) иновѣріе; 10) сговоръ въ присутствіи духовнаго лица». По уставу «при указанныхъ условіяхъ для заключенія брака требуется разрѣшеніе генеральнаго или провинціальнаго министра». Разсмотрѣніе всѣхъ этихъ условій, препятствующихъ заключенію брачнаго союза и уничтожающихъ его, по уставу подлежитъ духовному суду по бракоразводнымъ дѣламъ, въ составъ котораго входятъ три маріавитскихъ священника, назначаемыхъ генеральнымъ или провинціальнымъ министромъ, и рѣшенія котораго получаютъ силу послѣ ихъ утвержденія указанными министрами. Въ случаѣ недовольства первичнымъ разборомъ брачнаго союза недовольная сторона въ теченіи семи дней можетъ представить генеральному министру аппелляціонное прошеніе о вторичномъ разборѣ дѣла (стр. 4—5. 16—19).

Вотъ все, что въ уставѣ говорится о богослужебно-дисциплинарной сторонѣ маріавитскаго общества. Конечно, это немного, но и это немногое, по моему мнѣнію, опять ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что маріавиты отвергаютъ главнѣйшій изъ догматовъ бывшей ихъ матери—церкви, т. е. догматъ о видимомъ главенствѣ въ Христовой церкви. Въ самомъ дѣлѣ, догматъ этотъ, сосредоточивая всю жизнь церкви въ личности единаго первосвященника и въ силу того обрекая вѣрующихъ на полную пассивность въ религіозной сферѣ, въ частности утверждаетъ то же самое и по отношенію къ богослужебной сторонѣ жизни церковной. Соотвѣтственно этому римская церковь запрещаетъ совершеніе богослуженія на живомъ народномъ языкѣ, узаконивъ совершеніе послѣдняго исключительно на языкѣ латинскомъ, совершенно недоступномъ пониманію громаднаго большинства вѣрующихъ. Принимая во вниманіе то обстоятельство, что богослуженіе, особенно для простыхъ вѣрующихъ, является едва ли не главнѣйшей школой въ дѣлѣ морально-религіознаго воспитанія, можно себѣ представить, насколько вредно указанное узаконеніе римской церкви. Оно представляетъ изъ себя ни болѣе, ни менѣе какъ оковы, стѣсняющія свободу и религіозной мысли и религіознаго чувства. Маріавиты, введя въ своемъ обществѣ богослуженіе на живомъ народномъ языкѣ, уничтожили эти оковы и

тѣмъ создали для себя прекрасное орудіе въ дѣлѣ морально-религіознаго воспитанія членовъ ихъ общества. Несомнѣнно уклоняются маріавиты отъ римско-католической церкви и своими сужденіями о бракѣ. Римско-католическая церковь по сравненію съ церковью православно-восточною въ ученіи о бракѣ, какъ извѣстно, имѣетъ ту особенность, что признаетъ полную нерасторжимость послѣдняго, вопреки яснымъ словамъ Самого Христа Спасителя (Мѳ. XIX, 9). На первый взглядъ кажется, маріавиты какъ будто придерживаются того же ученія, потому что признаютъ «нерасторжимость брака». При внимательномъ разсмотрѣніи, однакожъ, оказывается то, что вѣрность маріавитовъ воззрѣніямъ своей прежней матери—церкви болѣе на словахъ, чѣмъ въ дѣйствительности. Признавая «нерасторжимость брака», представители маріавитизма въ то же время говорятъ о «препятствіяхъ, уничтожающихъ бракъ», и въ числѣ этихъ препятствій поставляютъ даже такія, какъ неисполненіе обѣщаннаго условія (defectus conditionis appositae) или заключеніе брака у ненадлежащаго священника и въ отсутствіи двухъ свидѣтелей, т. е. въ дѣйствительности маріавиты отвергаютъ нерасторжимость брака. Совершивъ эту реформу, они однакожъ испугались сдѣланнаго ими и потому, по крайней мѣрѣ, хоть на словахъ стараются ослабить значеніе произведенной ими въ сущности вполнѣ правильной реформы, т. е. въ данномъ случаѣ поступаютъ такъ же, какъ поступаютъ при отрицаніи папскаго догмата.

Таково маріавитство по своему происхожденію, по своему внутреннему содержанію и по своимъ цѣлямъ. Какъ можно видѣть изъ всего вышесказаннаго, если маріавиты и могутъ быть считаемы «страшными еретиками», то исключительно съ ультрамонтанской точки зрѣнія, съ точки же зрѣнія православной они должны быть признаны борцами за чистое христіанство, стремящимися устранить изъ послѣдняго тѣ наслоенія, которыя привнесены въ его содержаніе римскимъ католицизмомъ. Немного времени прошло со времени появленія маріавитскаго движенія, но и въ этотъ короткій срокъ представители его успѣли сдѣлать кое-что существенное: они отвергли догматъ о папскомъ главенствѣ въ церкви Христовой, который есть краеугольный камень всей папской системы и отверженіе котораго поэтому предполагаетъ отверженіе другихъ новшествъ, привзошедшихъ въ содержаніе римско-католической церкви. Правда, сдѣлавъ указанный рѣшительный шагъ, маріавиты пріостановились въ

своемъ дальнѣйшемъ церковно-религіозномъ развитіи, испугавшись того, что они совершили въ прошломъ и еще болѣе того, что имъ надлежитъ совершить въ будущемъ. Не станемъ однакожъ осуждать ихъ за это: въ религіозной области болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой области поспѣшность излишня: вѣдь религіозныя истины для человѣка болѣе цѣнны, чѣмъ всякія другія истины, и потому искаженіе хотя бы одной изъ нихъ можетъ отозваться печальнымъ образомъ на всемъ складѣ религіозной жизни. Пусть поэтому маріавиты не торопятся въ своемъ религіозно-церковномъ развитіи. Не можемъ однакожъ не предугадывать того, что для маріавитовъ это развитіе безъ помощи со стороны какой-либо изъ христіанскихъ церквей окажется очень и очень не безопаснымъ уже по одному тому, что они не обладаютъ источникомъ благодатно-іерархическаго служенія, т. е. епископскимъ саномъ. При отсутствіи же этого служенія они не могутъ составить изъ себя церкви въ строгомъ смыслѣ этого слова, а будутъ существовать лишь какъ сектанты съ непрочнымъ церковнымъ строемъ. Вся будущность маріавитства какъ религіознаго движенія поэтому зависитъ отъ того, къ какой церкви представители его обратятся за помощью. Носятся слухи, что они думаютъ искать или даже ищутъ ее у старо-католической церкви. Несомнѣнно, конечно, то, что изъ всѣхъ западныхъ религіозныхъ движеній новѣйшаго времени старокатолицизмъ представляетъ изъ себя наиболѣе симпатичное движеніе. Но онъ еще самъ окончательно не установился въ своемъ религіозномъ содержаніи и потому едва ли можетъ оказать маріавитамъ надлежащую помощь. Подобнаго рода помощь они могутъ получить лишь отъ православно-восточной церкви. Конечно, обратиться къ послѣдней за помощью для маріавитовъ дѣло не легкое: они несомнѣнно пропитаны по отношенію къ ней антагонизмомъ, перешедшимъ отъ бывшей имъ матерью римской церкви. Но да убѣдятся они въ томъ, что этотъ антагонизмъ къ восточной церкви можетъ существовать лишь на почвѣ папской системы, первое звено которой они уже разбили и чрезъ это приблизили себя къ той церкви, которая съ материнской любовью приметъ ихъ подъ свой святой кровъ. Богъ да будетъ въ помощь маріавитамъ!..

Вл. Керенскій.

Извлечено изъ журнала «Христіанское Чтеніе», 1908 г.

Типографія М. Меркушева. Спб., Невскій, 8.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР